

ОБ ЭГОЦЕНТРИЗМЕ ЛИЧНО-ПРОНОМИНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ЯЗЫКЕ

ЭШАНКУЛОВА Ш.А.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
УДК 42-40

Выявление «антропологических следов» в языке неизменно выводит лингвистику к вопросам эгоцентризма, поскольку «человек – это прежде всего его «его».

В лингвистической науке достаточно широко представлены различные взгляды относительно понятия «эгоцентризм» (Б. Рассел, Р. Якобсон, Э. Бенвенист, Ю.С. Степанов) и они рассмотрены в исследованиях последних лет (Атакулова 2006, Гергокаева 2008, Канкошев 2010...)¹.

Во всех науках о человеке используется понятие «я». В лингвофилософских исследованиях оно характеризуется как сложное многоуровневое явление, состоящее из нескольких ипостасей: «предельного я», или «его», «я говорящего», «феноменологического я», связанного с внутренним потоком сознания человека, «интерактивного я», представленного во взаимодействии с другим человеком и т.д.

В числе языковых средств выражения говорящего, так называемых эгоцентрических единиц, по мнению большинства ученых, является местоимение «я». В лингвистических исследованиях это местоимение традиционно рассматривается в ряду слов, замещающих существительное, либо относится к одним из средств экономии в языке. Тем самым подчеркивается вторичность этого местоимения. Данная точка зрения, характерная в основном для лингвистики традиционной, сложилась под влиянием греко-латинской традиции, рассматривающей местоимение с позиции этимологии (pronomen вместо имени).

В языкознании актуализация антропологического направления явилась той методологической основой, которая привела к расширению и углублению взглядов на проблему «человек в языке» и формированию теории языкового эгоцентризма с центральным для нее понятием я.

По мнению Е.С. Кубряковой, суть антропоцентризма заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели [Кубрякова 1995:212]².

Выдающийся лингвист В. Фон Гумбольдт является одним из первых, кто обратился к проблеме «человек в языке». «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества, - подчеркивает он, - язык не просто внешнее свойство общения людей, поддержание общественных связей, он заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным

¹ Атакулова М. А. Эгоцентризм как категориальное значение лично-местоименной парадигмы в языке (на материале тюркских языков). Автореф. канд.филол.наук/ М.А. Атакулова Бишкек, 2006. – 22с.
Гергокаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса (на материале русского, английского, карачаево-балкарского языков). Автореф. канд.филол. наук./ Д.Д. Гергокаева Нальчик: Изд-во КБГУ, 2008. – 25 с.
Канкошев А.М. Грамматические средства репрезентации эгоцентризма в кабардино-черкесском языке. Автореф. канд.филол.наук. /А.М. Канкошев Майкоп, 2010. – 27с.

² Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века/ Е.С. Кубрякова// Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995.-С. 144-238.

мышлением. Язык – одно из тех явлений, которые стимулируют человеческую духовную силу к постоянной деятельности» [Гумбольдт 1984:51]³.

Принятие этих положений делает невозможным изучение языка без его носителя – человека.

Одним из первых идею о том, что антропоцентризм языка требует антропоцентрически ориентированной лингвистики высказал Э. Бенвенист. Проблема антропоцентризма в работах Э. Бенвениста, относящихся к 50-м годам XX века, возникла сначала как наблюдение за перформативными глаголами, произнесение которых в первом лице настоящего времени («клянусь», «обещаю», «обязуюсь») и есть сам акт клятвы, обещание, принятие обязательств. У этих глаголов, следовательно, означаемое, денотат, существует именно в тот момент и ровно столько времени, сколько длится произносимое означающее [Бенвенист 1974: 320]⁴.

По мнению Э. Бенвениста, совпадение во времени означаемого и означающего, обнаруживает местоимение первого лица «я», между которым и каким-либо именем существительным с лексическим значением существуют не только формальные, но и другие различия более общего и глубокого характера, связанные с самим процессом языкового общения. Высказывание, содержащее «я», принадлежит к прагматическому уровню языка, оно включает, наряду со знаками, тех, кто ими пользуется... Основное отличие местоимения «я» в системе референций языковых знаков заключается в том, что если каждое употребление имени имеет референцию с постоянным и «объективным» понятием и всегда остается идентичным, то каждое «я» имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду: «я» значит «человек, который производит данный речевой акт, содержащий «я». Данный речевой акт по определению является единственным и действительным только в своей единственности. Форма я с языковой точки зрения существует только в том акте речи, в которой она высказывается» [Бенвенист 1974:286]⁵.

Это открытие в последствии получило наименование «субъективности в языке». Понятие субъективности является одним из основных в концепции Э. Бенвениста и относится к числу главных идей современной лингвистики: «...в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, так как только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть понятию «его» - «мое я» [Бенвенист 1974:293].

Опираясь на положение французского ученого, в предисловии к книге Э. Бенвениста «Общая лингвистика» Ю.С. Степанов отмечает, что «субъективность в языке есть способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения, отражающаяся в самом языке в виде особой черты его устройства: в том, что целые классы языковых элементов – местоимение первого лица, названные глаголы и другие имеют особую референтную соотнесенность» [Степанов 2002:13]⁶.

Таким образом, за субъективностью скрывается «еще более общее свойство языка: язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивиду» [Степанов 2002:13].

То фундаментальное свойство языка, которое названо у Э. Бенвениста «человек в языке», Ю.С. Степанов определяет как антропоцентризм и относит его к числу главных принципов современной лингвистики.

В начале 80-х годов XX века В.А. Звегинцев охарактеризовал человека не только как третью величину, но и как главную величину лингвистики в целом [см. Попова 2002].

³ Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию/ В. Фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984. – 397с

⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика /Пер. с фр./ Под ред. Ю.С. Степанова/ Э.Бенвенист М.: Прогресс, 1974 – 447с.

⁵ Там же

⁶ Степанов Ю.С. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства М., 1985 – 335с.

Итак, начиная с 70-х годов XX века, положения антропоцентрической концепции широко обсуждается в теоретических исследованиях (см. например: Человек в системе наук 1989; Человек и культура 1990; Человеческий фактор в языке; Язык и картина мира 1988; Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке (1999). Контуры антропоцентризма, кроме того, находят относительно четкие очертания в генеративной лингвистике с ее явным интересом к речевой деятельности и компетенции говорящего.

В 90-е годы происходит окончательное утверждение антропоцентризма в качестве главного принципа лингвистики с актуализацией когнитивного направления и формирующейся в его рамках когнитивной лингвистики, включающей в сферу своего внимания различные аспекты функционирования языка, связанные прежде всего с объяснением и описанием «языковой способности как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего» [Кубрякова, Демьянков 1996: 53-55].

В последней четверти 20 века стало понятно, что язык не может рассматриваться только как абстрактная структура, а ее элементы и отношения уподобляться предметам и вещам реального мира, как это делалось в естественных и точных науках, отмечает профессор М.Дж. Тагаев. Язык не существует как природное явление, а функционирует в сознании человека, который использует его для удовлетворения своих жизненных потребностей. Он существует в человеке и для человека. Поэтому язык как средство коммуникации и способ фиксации познавательной деятельности нельзя оторвать от самого носителя языка. Языкознание, в том числе и языкознание в Кыргызстане, пришло к такому этапу своего развития, когда уже невозможно оставаться в рамках системно-структурной модели языка. В этой связи возникла необходимость поменять физические пространственные координаты, в которых находился язык как система, и поместить его в пространство человеческих координат [Тагаев 2004:7]⁷

Выше было отмечено, что эгоцентрическая концепция языка естественным образом вытекает из антропоцентрической. Известно, что «его» (я) является одним из наиболее сложных и противоречивых понятий в системе знаний о человеке. В лингвистику оно было заимствовано из философии и психологии, где на протяжении долгого времени было в центре внимания исследователей.

В философии XX века преобладало представление о том, что Я есть агент, тот, кто действует, и вместе с этим – центр знания, тот, кто знает. Я («ego» Self) – это понятие, обозначающее, во-первых, действующего, агента, актора; во-вторых, центр инициативы или, сущности личности, источника ее активной деятельности; в-третьих, ментальной репрезентации личности, ее самосознание, ее представление о себе. В целом в философии «его» (я) понимается как «непосредственно мне данная целостность моей индивидуальной жизни. Я воспринимаю себя как центр моего сознания, как то, кому принадлежат мои мысли, желание, переживания. В то же время Я – это единство моей индивидуальной биографии, это то, что гарантирует мою самоидентичность. Наконец, Я – это то, что управляет моим телом, это инстанция, обеспечивающая свободное принятие моих решений и несущая ответственность за их осуществление и последствие» [НФЭ 2001:497].

В психологии – в некотором противоречии с философией понимание я («ego») как центра, стержня, сущности личности термин используется, как правило, для обозначения рациональных и реалистических функций персональности, того компонента личности, который имеет дело с внешним миром и его практическими требованиями, т.е. я лежит в основе способности людей рассуждать, воспринимать, решать проблемы.

В лингвистике под *эго* понимается «(от лат. Ego – я) – направленность на собственное я», Я употребляется для обозначения говорящим самого себя; для обозначения сознаваемой себя как личности, индивидуума, а также для обозначения субъекта [БТСРЯ 2000:1530].

⁷ Тагаев М. Дж. Когнитивное направление в сопоставительном языкознании. - Бишкек, 2004.

В антропоцентрической парадигме лингвистики понятие «его» (я) соотносится с понятием субъект, выводится на первое место, а язык считается его неотъемлемой характеристикой. Как отмечает Э. Бенвенист, субъективность «есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть ego, кто говорит ego. Мы находим здесь самое основание субъективности, определяемой языковым статусом лица» [Бенвенист 1974:294]⁸.

Языковой эгоцентризм, по мнению В.А. Гуреева, может рассматриваться в двух планах. «В широком смысле он представляет собой взгляд на язык как результат эготворческой деятельности человека. В узком смысле он ориентирован на ситуацию речевого общения, на ее участников и их роли – с я как субъектом речевой деятельности и ориентирован на позицию наблюдателя» [Гуреев 2005:4]⁹.

Интересны представления О. Есперсена о координатах Я, здесь, сейчас, названных им «шифтеры» и использованных впоследствии Р. Якобсоном при анализе эгоцентрических слов.

В теории Р. Якобсона шифтерами являются класс глагольных и местоименных единиц, выражающих связь сообщения с речевым актом, т.е. связь субъекта речи с адресатом. Любое сообщение отправителя, по мнению Р. Якобсона, должно быть адекватно воспринято получателем. Любое сообщение кодируется тем, кто его посылает, и должно быть декодировано адресатом. Чем лучше адресат знает код, используемый отправителем, тем больше объем информации, извлекаемой из сообщения» [Якобсон 1972:95].

Следовательно, всякий языковой код включает особый класс единиц (глагольных, местоименных), которые именуется шифтерами. По мнению Р. Якобсона, шифтеры выполняют две основные функции: символическую (соотношение с обозначаемым им объектом по условно принятому правилу) и индексальную (определяющую нахождение с обозначающим объектом в реальной связи). Совмещая в себе эти функции, данный класс языковых единиц относится к классу индексальных (индикативных) символов. К нему Р. Якобсон относит и личные местоимения. Анализируя класс индексальных символов (личных местоимений), Р. Якобсон отводит особое место знаку Я. Знак «я», по Якобсону, определяется как лицо, которое говорит «я».

Специфику шифтеров Р. Якобсон видел в отсутствии единого, общего, постоянного значения. Слово «я» обозначает каждый раз другое лицо, благодаря тому, что оно все время меняет свое значение» [Якобсон 1972:97].

В концепции Э. Бенвениста местоимение как особый класс дейктических единиц получают новую трактовку. Определяя статус личных местоимений, Э. Бенвенист подчеркивает особый статус личного местоимения я. Все указатели дейксиса, такие, как указательные местоимения, наречие, прилагательное, отражая временные и пространственные отношения вокруг субъекта, находятся, по его мнению, в зависимости от я, высказывающегося в данном акте. Я, по мнению Э. Бенвениста, может быть определен только в речевом акте. Я значит «человек, который производит данный речевой акт, содержащий я» [Бенвенист 1974: 286-287].

Таким образом, я не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, в котором оно производится. Следовательно, обобщенное местоимение «я» определяется следующим образом: я – это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы Я» [там же:287].

Осознание себя, своего я, возможно только в противопоставлении. Я могу употреблять я только при обращении к кому-то, кто в моем обращении представлен как ты... Язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве

⁸ Бенвенист Э. Общая лингвистика /Пер. с фр./ Под ред. Ю.С. Степанова/ Э.Бенвенист М.: Прогресс, 1974 – 447с.

⁹ Гуреев В.А. Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Известия РАН. Сер. Лит-ры и языка, 2005. Т., 64 №1 3-9.

субъекта, указывающего на самого себя в качестве субъекта, указывающего на самого себя как на *я* в своей речи [там же: 294].

Таким образом, Э. Бенвенист отмечает, что местоимения отличаются от всех других обозначений, оформляемых языком, тем, что они не соотносятся ни с понятием, ни с индивидом. Отмечая отличие местоимения *я* от всех других обозначений, Э. Бенвенист относит его к классу «пустых» знаков, свободных от референтной соотнесенности с реальностью, всегда готовых новому употреблению и становящихся «полными знаками» как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи. Именно в акте речи, где «*я*» обозначает говорящий, последний и выражает себя в качестве субъекта [там же: 288].

В концепции о референциальных свойствах местоимений О.Н. Селиверстова разделяет положение Э. Бенвениста о том, что местоимения образуют знаки особого типа и что функции личных местоимений заключаются не только в указании на роль в акте речи, но прежде всего, в представлении говорящего и слушающего как индивида, взятого в его единовременности. Однако О.Н. Селиверстова не поддерживая положение о том, что знаки *я* и *ты* не имеют лексического значения, подчеркивает, что семантическое своеобразие местоимения *Я* заключается в том, что это местоимение «всегда показывает, что акт ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему» [Селиверстова 1988:29]¹⁰.

Обобщением эволюции теории языкового эгоцентризма выступает работа В.А. Гуревича «Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знака», в котором автор утверждает, что «эгоцентрический подход с его базисным принципом *эго*, опирающийся на нерасторжимое единство двух основополагающих начал *Я* в человеке – субъекта восприятия (наблюдателя) и субъекта речевой деятельности – имеет все основания считать ведущим в практике лингвистических исследований [Гуреев 2004:67]¹¹.

В своем исследовании мы исходим из определения эгоцентризма, данного Ю.С. Степановым, а именно «отношение языка к говорящему заключается в присвоении себе языка в момент и на момент речи» [Степанов 1985:223]¹².

Особенно важны для нас две концептуальные составляющие данного понятия – это говорящий и язык, поскольку говорящий соотносится с понятием *Я* (эго) и рассматривается как языковая личность.

Говорящее лицо указывает на себя с помощью местоимения *я*, находясь в центре пространственно-временной ориентации речи. Оно может являться дейктическим знаком любого производителя речи. Местоимение *я* в потенции содержит способность быть означающим отправителя речевых произведений.

Личные местоимения структурно своеобразны и частотны в устной речи, лексически и семантически замкнуты. В своем речевом употреблении они универсально гибки и динамичны.

Они представлены во всех языках мира, так как в языке обязательно наличие слов, выражающих отсылку к участникам и неучастникам данного речевого акта или речевой ситуации. Эти слова выполняют дейктическую функцию и содержат указание на участников акта речи – говорящего, адресата или на предмет речи.

Расположившись в центре прономинального поля, личные местоимения в языке представляют собой своеобразную группу лексем, характеризуются специфическими, только им свойственными чертами, которые проявляются в семантике, в морфологическом парадигмообразовании, в словообразовании, в сфере функционирования и т.д.

¹⁰ Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи – М., 1988 – 151с.

¹¹ Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания – М., 2004 №2 – С.57-60.

¹² Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства М., 1985 – 335с.

Личное местоимение, выступая “заместителем” той или иной полнозначной единицы, не приобретает ее значение, но указывает на то, что в определенном контексте речь идет о некотором объекте. В современном языкознании в качестве основной характеристики дейксиса выделяется его эгоцентричность.

С позиций говорящего ведется отсчет пространства, времени и личностных взаимоотношений. Центром дейктического поля является говорящий. Дейктические выражения не являются чистыми указателями. Они комбинируют в себе две функции – знака и указательного символа. Из этого вытекает, что, хотя их значение обусловлено контекстом, у них есть еще добавочные значения, которые не могут считаться контекстуально обусловленными. Личные местоимения не только идентифицируют отношение к участию в акте речи, но и сигнализируют об одушевленности и о категории лица.

Эгоцентрический элемент и личные местоимения в целом – личное местоимение первого лица, составляют малую закрытую систему, лежат в основе «дейктического поля» языка. Говорящий любое высказывание произносит, обращаясь к слушающему. По своей сути личные местоимения являются заместителями имени, выполняют в тексте функцию языкового указания, при этом говорящий находится в центре дейктической системы и выстраивает остальные релевантные дейктические параметры (время, место).

В современном языкознании в качестве основной характеристики дейксиса выделяется его эгоцентричность. С позиций говорящего ведется отсчет пространства, времени и личностных взаимоотношений. Личные местоимения не только идентифицируют отношение к участию в акте речи, но и сигнализируют об одушевленности и о категории лица.

Личные местоимения представляют собой закрытые малые системы и являются дейктическими словами. Любое высказывание на естественном языке произносится в конкретном месте и в конкретный момент времени. Высказывание связано с определенной пространственно-временной ситуацией, произносится говорящим и обычно адресовано слушающему.

Итак, личное местоимение первого лица представляет собой слово, которое реализует личный дейксис. Оно задает систему координат, так как любое высказывание связано с определенной пространственно-временной ситуацией, произносится говорящим и обычно адресовано слушающему. Дейксис полностью зависит от ситуации или контекста, а референтная соотнесенность дейктических слов меняется и переходит от одного лица к другому. В современном языкознании в качестве основной характеристики дейксиса выделяется его эгоцентричность. Отсчет пространства, времени и личностных взаимоотношений ведется с позиций говорящего.

При помощи слов сферы 1-го лица (менее отчетливо также и 2-го) все события соотнесены с моментом речи, и практическое значение подобных слов поистине неопределимо: если бы для выражения чувства своей субъективности каждый говорящий имел бы свой особый указатель (как каждая радиостанция имеет свои собственные позывные), практически было бы столько языков, сколько индивидов, и общение между людьми стало бы невозможным [Бенвенист 1974:285-286]¹³.

Личные местоимения выполняют обобщительную функцию в языке, замещая имя, фамилию и другие конкретные атрибуты участников акта речи, обеспечивая этим компрессию средств языка.

В сравнительно-историческом аспекте в ряде исследований изучаются и тюркские личные местоимения (А.П. Поцелуевский, В.Л. Котвич, Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, Ф. Г. Исхаков, А.М. Щербак, Г.Ф. Благова, Н.З. Гаджиева и др.).

Но в этих исследованиях общетеоретические вопросы прономинального поля рассматриваются без специального учета кыргызских личных местоимений.

¹³ Бенвенист Э. /Пер. с фр./ Под ред. Ю.С. Степанова/ Э.Бенвенист М.: Прогресс, 1974 – 447с.

Сравнительный анализ тюркских личных местоимений с позиции кыргызского языка был проведен в исследовании М.А. Атакуловой «Эгоцентризм как категориальное значение лично-местоименной парадигмы в языке (на материале тюркских языков)». В языке прономинальное поле устроено сложно. Наличие различных разрядов местоименных слов отмечается во всех языках.

К определению статуса местоименных слов лингвисты подходят по-разному, называя их то полнозначными, то служебными, то семантически «пустыми», но и к разбиению их на классы. Число выделяемых местоименных разрядов колеблется от трех до девяти.

Таким образом, личные местоимения занимают первое место в списке по изучению состава местоимений в языках различного строя. Это объясняется тем, что многие языковеды интуитивно чувствуют эгоцентризм местоименной семантики. Согласимся с мнением исследователей, отмечающие, что «эгоцентризм наиболее явно и концентрированно представлен в системе значений личных местоимений»¹⁴ [Атакулова 2006: 54]¹⁵.

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека./ Н.Д. Арутюнова. М.: Высшая школа, 1998.
2. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию/ В. Фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984. – 397с
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика /Пер. с фр./ Под ред. Ю.С. Степанова/ Э.Бенвенист М.: Прогресс, 1974 – 447с.
4. Атакулова М. А. Эгоцентризм как категориальное значение лично-местоименной парадигмы в языке (на материале тюркских языков). Автореф. канд.филол.наук/ М.А. Атакулова Бишкек, 2006. – 22с.
5. Гергокаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса (на материале русского, английского, карачаево-балкарского языков). Автореф. канд.филол. наук./ Д.Д. Гергокаева Нальчик: Изд-во КБГУ, 2008. – 25 с.
6. Канкошев А.М. Грамматические средства репрезентации эгоцентризма в кабардино-черкесском языке. Автореф. канд.филол.наук. /А.М. Канкошев Майкоп, 2010. – 27с.
7. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века/ Е.С. Кубрякова// Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995.-С. 144-238.
8. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания – М., 2004 №2 – С.57-60.
9. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи – М., 1988 – 151с.
10. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства М., 1985 – 335с.

¹⁴ Атакулова М.А. Эгоцентризм как категориальное значение лично-местоименной парадигмы в языке (на материале тюркских языков). Автореф. канд.филол.наук/ М.А. Атакулова Бишкек, 2006. – 22с.

¹⁵ Там же с.54